

Однако Цянь Тулян был непохож на остальных. Юноша не испытывал страха перед его инвалидностью, настолько естественно приняв его как нового соседа по парте. Он не избегал неудобств, связанных с его состоянием, и с искренней щедростью спрашивал, не нужна ли помощь. Он не считал его обузой, а сам предлагал массаж и помогал с конспектами. Все это было сделано без прикрас, естественно и искренне. Юноша проявлял к нему неподдельную заботу и внимание, и казалось, он сам был более спокоен с его особенностями, чем сам Цинь Эр.

Он был милым. Да, именно милым. Милым, милым, достойным любви.

Слова отказа просто не находили выхода. Спина и руки привыкли к силе его массажа, ладони — к теплу его рук. Даже его сердце, внешне сильное, но внутри пустое, было наполнено заботой юноши, согрето его вниманием. Цинь Эр жаждал большего, он не мог себя контролировать, он просто хотел быть ближе к нему.

Было ли его недостаточное откровение причиной гнева юноши? Была ли его подлая жадность причиной его раздражения? Казалось, нет. В тот день юноша, казалось, успокоился, когда он его утешил, а позже даже заснул на его левой руке, в его объятиях, так сладко и мирно. Лицо юноши, спокойное во сне, казалось, было прямо перед ним, его ровное дыхание звучало в ушах. Все было так прекрасно, так в чем же была проблема?

Да, это должно было быть связано с его рассказом о прошлой травме, с его несчастной первой любовью, которая закончилась, даже не успев начаться. Но почему это беспокоило Цянь Туляна? Было ли это из-за его поступка, который причинил ему боль, и юноша испытывал страх и непонимание? Но в тот день руки юноши обнимали его так крепко, его грудь была так близко, и он явно переживал за его боль.

Так в чем же дело?

Все лишние догадки были отвергнуты, и, отбросив все помехи, самый неясный и самый страшный ответ начал проявляться в сердце Цинь Эра.

Потеря контроля над большей частью тела была ценой, которую он заплатил за спасение своей первой любви. Был ли Лянцзай недоволен этим? Жалел ли он его, сожалел ли, ревновал ли?

Но зачем Лянцзай ревновал? Неужели он тоже, как и он, испытывал это странное чувство собственности? Неужели он тоже, как и он, начал ощущать смутное, странное чувство?

За последние несколько недель, чувствуя внезапное отдаление Цянь Туляна, принимая его все такую же заботу, этот вариант, выведенный методом исключения, постоянно всплывал в сердце Цинь Эра, и он изо всех сил старался его подавить. Этот вариант рос в его сердце, словно дикий зверь, и каждый раз, когда он сталкивался с Цянь Туляном, он вырывался наружу, заставляя его искать ответ.

Но что, если это было его самообманом? Что, если он ошибался? Этот драгоценный теплый момент был так дорог ему, как он мог разрушить его? Он не мог заговорить, он просто подавлял свои чувства, держа в сердце этот сорняк, и продолжал общаться с Цянь Туляном, как ни в чем не бывало.

И вот, сейчас, юноша снова был рядом с ним, обнимая его левую руку, держа его левую руку. Его глаза были искренними и яркими, и ему не нужно было больше бороться с самоотрицанием, не нужно было копить смелость, чтобы заговорить. Юноша, словно по милости, прямо дал ему утвердительный ответ.

Это была любовь? Лянцзай говорил, что любит его? Лянцзай действительно любит его?

Вопрос, мучивший его несколько недель, наконец, получил ответ. Под действием алкоголя чувства, которые Цянь Тулян так долго игнорировал, но которые становились все сильнее, наконец, вырвались наружу. Он попытался выразить то, что чувствовал, но это было больше похоже на неопределенный намек, чем на признание.

Цянь Тулян снова не мог смотреть в глаза Цинь Эру. Он только сжался, глядя на его подбородок. Его сердце билось так быстро, что ему хотелось вырвать. Он разжал пальцы, незаметно пролез в промежутки между пальцами Цинь Эра и крепко сжал их.

Его бледные губы раздвинулись, и мозг Цянь Туляна мгновенно отключился.

Сердце колотилось, как барабан, и он услышал, как Цинь Эр сказал:

— Я тоже люблю Лянцзая.

Его голос был низким и нежным, и смутные чувства, скрытые глубоко внутри, наконец, обрели определение. Цинь Эр был уверен, что любит этого юношу.

Фитиль в его груди полностью сгорел, и разноцветные фейерверки вырвались наружу, заполняя пустой разум Цянь Туляна.

— Ты тоже меня любишь?

Юноша резко поднял голову, пристально глядя в глаза Цинь Эра.

Не уверенный, действительно ли Цинь Эр понял его неясные слова, которые вряд ли можно было назвать признанием, Цянь Тулян начал сожалеть, что его слова были недостаточно прямыми.

— Я говорю о той любви, ты понимаешь?

Юноша смущенно нахмурился. Фейерверки отражались в его глазах, делая их невероятно яркими.

— Ты... не обманывай меня.

Их носы почти соприкоснулись, мятный вкус жвачки уже исчез, и изо рта юноши явно пахло алкоголем.

— Я не обманываю.

Цинь Эр терпеливо потерся о подушку, его левая рука была сжата юношей, и его пальцы, не подчиняясь ему, слабо сжались на тыльной стороне руки Цянь Туляна. Он изо всех сил напрягся, его рука дрожала, и только большой палец слегка дернулся у основания ладони юноши.

— Лянцзай, ты пьян.

— Я трезв.

И он еще говорит, что не обманывает! Его слова о любви явно были просто утешением для пьяного!

Наконец, разобравшись со всеми вопросами, наконец, набравшись смелости признаться, Цянь Тулян хотел немедленно закрепить успех и установить отношения. Его первое в жизни признание было воспринято как пьяный бред, и он был так расстроен, что его лицо сморщилось. Он начал сожалеть о том, что выпил вечером, начал сожалеть, что так поспешно прибежал в дом Цинь Эра. Почему он не подождал немного? Почему не дал алкоголю выветриться?

— Хорошо, Лянцзай прав, Лянцзай трезв.

Такой теплый момент снова мог быть испорчен. Боясь повторить прошлые ошибки, Цинь Эр поспешно успокаивал его.

Он хотел протянуть руку, чтобы погладить лицо Цянь Туляна, но его больная правая рука была намертво прижата тяжелым одеялом, и он не мог пошевелиться. Его сердце, обычно бьющееся медленнее, чем у других, вдруг ускорилося, и его сухое горло начало зудеть. Воздух застрял в его хрупких дыхательных путях, и он не мог больше говорить.

— Кх... кх...

Шея двигалась, он откинул голову назад и беспомощно лежал на одеяле, открыв рот и

беспомощно кашляя. Его плечи двигались под одеялом, нижняя часть тела была полностью парализована, а верхняя неподвижно прилипла к матрасу. Дискомфорт в дыхательных путях не уменьшился ни на йоту, он широко открыл рот, пытаясь дышать, но кислород не мог свободно попасть в легкие, застревая в горле, вызывая новые приступы кашля.

— Ты... что с тобой? Не волнуйся...

Цянь Тулян в панике вскочил с кровати, встав на колени рядом с Цинь Эром, пытаясь поднять его, но его левая рука, обычно слабая, вдруг напряглась, крепко сжав его ладонь, и аккуратно подстриженные ногти впились в его кожу.

Не имея возможности обнять его, Цянь Тулян позволил Цинь Эру держать его за руку, а другой рукой беспорядочно гладил его грудь, пытаясь помочь ему дышать.

— Брат Линь! Брат Линь!

Цянь Тулян громко кричал, зовя на помощь. Он никогда не видел Цинь Эра в таком состоянии, и все его тревоги и сомнения были мгновенно отброшены. В его сердце остались только беспокойство и напряжение.

Дверь была открыта, и Линь Янь, который ждал в гостиной, услышав крик, бросил телефон и побежал в главную спальню.

Инфекция дыхательных путей была одним из осложнений паралича, и в последние дни у него также была температура. Дыхательные пути Цинь Эра, наконец, не выдержали и начали протестовать. Спазм дыхательных путей, зуд в горле, непреодолимое желание кашлять, и, поскольку его живот и спина были слабыми, положение лежа на спине не позволяло ему приложить хоть какие-то усилия. Он чувствовал себя так, словно его горло сжимали, он не мог ни кашлять, ни глотать.

Затрудненное дыхание вызвало беспокойство в его парализованных конечностях, ноги, которые были спокойны большую часть дня, начали дрожать под одеялом, и даже руки, которые обычно слушались, начали трястись. Пальцы сжимались все сильнее, и Цянь Туляну было больно от их хватки.

<http://bllate.org/book/15550/1376470>